

Дмитрий Белковский

**МЁРТВЫЕ
ХРОНИКИ
МЕРТВЕЦОВ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Белковский
Мёртвые Хроники Мертвецов

«Автор»

2013

Белковский Д.

Мёртвые Хроники Мертвецов / Д. Белковский — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-07160-5

Россия, самые мрачные времена. Человек после смерти больше не обретает покой. Самый страшный кошмар стал явью, и отныне каждый превращается в мертвяка. Ещё вчера любящий муж, заботливая мама, внимательная сестра, верный друг теперь озабочены лишь одной проблемой — съесть тебя. Страшнее мёртвых только живые. И вместе с тем, жизнь продолжается. Эта история о людях, которые пытаются привыкнуть к новому миру. Они продолжают любить и бороться. Кто-то сходит с ума, другие наживаются на общем страхе, нашлись и те, кто вступил в ряды «воинов жизни» — борцы с ожившими трупами. Живём надеждой. Пока ещё бурлят эмоции, пока ещё бьются сердца, пока ещё мы не мертвы... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07160-5

© Белковский Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

0.01 Дмитрий Богданов	5
0.02 Лариса Степанчикова	8
0.03 Александр Бамбуков	12
0.04 Максим Орлов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Белковский

Мёртвые Хроники Мертвецов

0.01 Дмитрий Богданов

Мы все были уже готовы к этому

Мы все были уже готовы к этому. Поэтому отлично знаем как себя вести.

Кости черепа сдались и захрустели. На обои шматком прыснула какая-то хрень. Наверное, мозги.

* * *

Жена с утра умчалась на работу. Это её первое трудоустройство после декретного отпуска, оттого вопрос о трудовой дисциплине стоит достаточно остро.

Я же отвёл дочку в садик и не спеша топал домой. Трудовые подвиги ожидают меня ровно в полдень.

Летняя жара ещё не раскалила воздух и благодаря этому можно порадоваться жизни.

В голове подсчитывал семейный бюджет: тысяча за садик, квартплата – тысяча за однокомнатную квартиру без горячей воды, тысяча за электроэнергию за водонакопитель, плюс тысяча – плата за газ, кабельное телевидение и интернет; больше трёх штук проедем за две недели. А ведь надо ещё что-то из вещей приобретать! Детские шмотки сейчас по цене ничем не уступают взрослым. Крандец... Надумали водить ребёнка в центр развития – решили расшевелить содержимое в голове дочурки. А это ещё полторы тысячи в месяц, плюс расходы на краски, цветную бумагу, пластилин и прочую атрибутику детского творчества.

Хиленькую зарплату жены, оператора в торговой компании, я в расчёт не беру. Типа, мужик содержит семью. Да и она, после своих необходимых трат, складывает остаточки, которые копятся на непредвиденные нужды.

Не, ну, в принципе, всё не так и плохо. Просто ничего лишнего. Например, бутылочка пива в жаркий день – это не позволительная роскошь.

Ладно. Сейчас приду, пошарюсь в интернете и на работку.

Стук в дверь. По всей вероятности долбят кулаком. Что за люди? Для кого звонок придумали? Или показалось? Убавил громкость музыки из динамиков. Нет, стучат. Не удивлюсь, если бьются головой.

Списывать данные с электросчётчика? Вроде рано ещё.

Глянул в глазок – в подъезде темно и ни хрена ни видно. Открываю.

На пороге шатается пожилая соседка из квартиры напротив.

Сука, я даже имени её не помню. Э-э-э... нет, не помню.

Обычно, в разговорах с женой, мы зовём её «Сашина мама». Александр – сосед, наш ровесник – парень сложной судьбы. А эта бухая корова, стоящая сейчас на пороге, и воняющая бомжатиной, живёт вместе с сыном (не перепутайте, не он с ней, а она с ним), на которого её в своё время лишили родительских прав. Об отце Александра я ни разу не слышал. Уже жесткий расклад.

Мало того, Саша – вдовец. И у него сын. Пытается быть хорошим отцом, но в смутное время девяностых, всё-таки, отдавал ребёнка в детский дом на год или на два. Сейчас гоняет

на заработки в Москву, оставляя ребёнка со своими хорошими друзьями, проживающими в квартире надо мной.

Понятно, что к этой скотине, уже шагающей за порог моей квартиры, отношение у меня отрицательное.

– Анны нет дома. – Я упёр руку ей в плечо.

Эта сучка по-соседски нашла подход к моей жене и время от времени клянчит деньги. Типа на хлебушек. Рассказывает, что моет подъезды и, в принципе, исправно возвращает долг. В первый раз просила двадцатку. Затем полтинник. Последний раз взяла столик и пропала на два месяца. До данного момента её ни кто не видел.

А сто рублей, извините меня, но это тоже деньги. Уж лучше бы мы сами с женой вечером распили бы полторашку прохладного пива. Побаловали бы себя. А с другой стороны, я рад, что эта ммм-пирамида закончилась на данной, терпимой к потере сумме.

Чувствую сопротивление в руке – тварь прётся в квартиру. Даже если она хочет вернуть деньги, я всё равно не хочу с ней общаться. Господи, как от неё воняет!

О-оо-ох! Её не было видно два месяца!

Да она же облопалась какой-то дряни и сдохла!

И сейчас этот мертвяк ломится в первую же дверь, куда её привели ноги! Зачем ей дали сто рублей!

Мысли летят быстрее всех интелов.

Это всё от америкосов пошло. Это всё их изыскания. Наверное, ещё с периода холодной войны между нами. Любят они совершенствовать человеческий организм и выводить породу суперсолдат. И когда, наконец, вывели данный вирус, позволяющий приводить к дееспособности мёртвые тела, когда поняли, что не в состоянии удержать контроль над прогрессирующей заразой, то наштамповали фильмов и сериалов, рассказывающих как необходимо вести себя при встрече с ожившим мертвецом.

Вначале, их полигоном и резервацией для зомби стала Канада. Тихая и неприметная страна. Потому то и тихая и неприметная. Американцы умеют управлять информацией, создавая сенсации на пустом месте и создавая новостной вакуум над полигоном-изолятором.

Как вирус попал к нам на материк? Провокация, диверсия, неосторожность, любопытство, научный интерес. Возможно всё. Но, по-моему, это вырвалось наружу так же, как вырывается гной из прыщика (даже на самом красивом лице) – просто созрело. Время пришло. Гадость вырвалась.

Мёртвые восстали из могил и захотели живой плоти.

Убийство ради увеличения популяции. Это закон природы от живых.

Паника продолжалась не более двух недель. Затем Максима Галкина застукали с молодой топ-моделью, и они расстались с Пугачевой. Состояние полного шока на восставших мёртвецов сменилась будничными заботами и проблемами. Вопросы надо решать.

Были созданы военизированные отряды, патрулирующие территории кладбищ и уничтожающих поднявшихся мертвяков. В народе их прозвали «ночной дозор». В противовес организованным «дневные дозорам» – добровольные отряды, занимающиеся поиском и уничтожением мёртвой плоти в, так сказать, неожиданных местах: парки, скверы, заброшенные здания и прочие.

Лично я не пошёл ни в «ночной», ни в «дневной» дозоры. Просто потому, что цепную бензопилу не смогу не то что в руках держать, а я за метр отхожу от человека с данным предметом. Пугает она меня. А у них это основное оружие борьбы. Я бы рассмотрел вариант с остро заточенной лопатой, но, говорят, мертвяки сопротивляются и могут вырвать её из рук.

Вообще, поговаривают, что вновь ожившие покойники проявляют большее сопротивление. В сравнении с восставшими ранее. Эволюция?

Я отмазался, чтобы не участвовать в этих общественных «добровольных» бригадах. Кто же знал, что эта беда постучится ко мне в дом.

Мы все были уже готовы к этому. Поэтому отлично знаем как себя вести.

Сука грёбаная!!!

Её повисшая безмозглая башка с короткой стрижкой тянется к моей упёртой в неё руке. Не раздумывая, бью в морду, куда-то в скулу. Размах небольшой, удар вышел несильный. Её голова заболтался на палке позвоночника. Мертвяк пошатнулся, удерживая равновесие.

Сделал шаг назад.

Восставшая мертвечина валится всем корпусом в мою сторону. Я распахиваю дверь в туалет (однокомнатная квартира – всё под боком) и бью ею как щитом. Алешкина мама валится на спину. Замерла.

Бег моих мыслей обставит любой пентиум.

Надо чем-то отсечь голову. Взгляд пробежался по прихожей: куча обуви, из которой самыми грозными являются каблуки туфель жены, но и ими получится лишь глаза выколоть; зонт, щётка для обуви, лопаточка для обуви. Время летит и сколько минут подарит эта тварь, лежа без движения? Жесть.

Схватил металлический язычок и подскочил к трупу. Нанёс несколько ударов по шее. Трахею раскрошил точно. Но тупым концом лопатки перебить тугие шейные мышцы не представляется возможным. После безуспешных попыток ловлю себя на том, что пялюсь в бездонно тупые глаза этой мёртвой женщины. При жизни у неё был такой же взгляд.

Мертвяк зашевелился.

Млядь, откуда-то потекла бурая кровь. Гадство! В спешке откидываю свои кроссы и сандалики дочки с пути следования мерзкой жижи.

Сучка! Бью ногами ей по черепушке.

Ноги в тапочках и я ступнёй чувствую, как ломаются нос, челюстные кости. От удара по лбу больно отдаёт в ногу.

Крепкая, сука, кость.

В шифоньере же ящик с инструментами!

Откидываю мёртвые ноги с прохода, мешающие открыть дверцу. Хватаю металлический ящик и прикладываю его к ещё мычащей голове соседки. Максимально использую весь вес инструментов и прочих необходимых мелочей. Ещё удар!

Кости черепа сдались и захрустели. На обои шматком прыснула какая-то хрень. Наверное, мозги.

Тварь сраная. При жизни ни чего от неё хорошего не видел и после смерти от неё только неприятности.

Сто рублей этой гадине дали, чтобы она налопалась, сдохла и, в итоге, припёрлась к нам же. Теперь же, за уборку заразной органики служба зачистки сдерёт не меньше трёх тысяч. На фуй такие расходы! Мы никогда не сношались с миллионерами и у меня каждая десятка на счету.

Тело я отволок обратно в её квартиру. А сам вооружился всеми доместосами и кометами и принялся зачищать прихожую. А то вечером жена с ребёнком придут домой, и нам ни какая зараза не нужна. Нам надо жить!

0.02 Лариса Степанчикова

Каждому приходится сталкиваться с этим.

Мама лежала и хрипела.

Такой громкий внутриутробный звук. Воздух, гоняемый ритмично работающими мышцами груди, выходя из легких, где-то в горловине играл с безвольно болтающимся языком. Мама дышала через рот, и я постоянно смачивала влажным марлевым тампоном её сухие губы, по несколько капелек отпускала на пересушенные зубы, стараясь так же смочить и полость рта.

Муж принёс бокал свежей воды и кусок марли. Тревожно осмотрел мою маму.

– Лариса, быть может не надо? Возможно, эта вода уже затекла в лёгкие и от этого этот храп?

Я думала, что уже выплакала все свои слёзы. Но после слов Гриши, спазм снова схватил моё горло и затряс так, что я свернулась в комочек на полу у кровати умирающей мамы и тихо заплакала.

Григорий обнял меня, захотел поднять и взять на руки, словно брошенного котёнка. Я привстала, обхватила его руками и закусила в рыдании плечо мужа. Он крепко прижал меня к себе.

– Лариса, быть может уже пора. Врач сказал, что всё случится в ближайшие часы.

Я сделала попытку оттолкнуть, вырваться из объятий. Плач мигом прошел, я в сотый раз проглотила обиду на жизнь.

– Нет. Ещё не всё. Мне надо переодеть её.

Гриша отпустил меня, я села на краешек кровати к маме. Взяла её безвольную руку. Когда-то нежную и ласковую. А сейчас кожа высохла и, словно не родная, обтянула пальцы и ладони.

Три месяца назад у мамы случился инсульт. Стояла летняя жара, она возилась на огороде. Полола и даже поливала.

Да, сама таскала воду из пруда. Да, не по целому ведру, но ей и этого, по всей видимости, хватило. Остановить стариков невозможно – дети всегда виноваты, да.

Два года назад у неё уже был один удар. Тогда на правую сторону. Достаточно лёгкий и в течение полугода она восстановилась. Жизнь дала ей предупреждение, чтобы она присмотрела за своим здоровьем. Но она проигнорировала предостережение. Всё лето в душной электричке ездила на дачный участок и беспощадно эксплуатировала свой организм.

Всё это до случая.

Позвонила соседка по огороду и сказала, что моей маме плохо. Муж попросил Михаила, коллегу по работе, чтобы тот довёз нас до деревни. «Без вопросов!»

У мамы снова инсульт. Она без сознания лежала на кушетке. Врач «скорой» отказался транспортировать больную в таком состоянии. Тогда, разложив переднее сидение, Гриша с Михаилом, осторожно перенесли маму в машину. Мы отвезли её в центральную городскую больницу, где ей две недели ставили капельницы, делали уколы.

Инсульт ударил сильно – у мамы парализовало левую сторону. Врач не дал шансов на надежду выздоровления. Мы перевезли маму к нам домой.

Двухкомнатная «хрущевка» на первом этаже.

Договорились с приятелями из соседнего подъезда, чтобы наш сын Максимка днём гостил у них. Благо, что наши дети учатся в одном классе.

Маму положили в нашей спальне, застелив половину кровати под простынку клеёнкой. На второй половинке ночевала я. С мамой. Григорий с сыном распаковались на диване в комнате.

Муж взял на работе хозяйственный отпуск и всегда помогал мне в уходе за мамой.

Милая мамочка...

– Гриша, там, на кресле, я приготовила мамин костюм. Принеси. – Муж кивнул головой.

– И сними, пожалуйста, вот это. Оно мешает.

Указала на натянутые верёвки и стальное полотно над кроватью.

– Хорошо.

Я пошла на кухню, а муж стал снимать нож гильотины у изголовья мамы. Тяжёлое стальное лезвие и самодельный механизм пуска. Намного надёжнее и эффективнее китайских подделок, которые, рассказывают, даже не перерубают шею с первого раза. Кошмар!

Гриша притащил механизм с работы. Со своей новой службы «Воины Жизни».

Раньше они именовались «дневным дозором», затем «бойцы света» и «воины дня». Не факт, что ещё не раз сменят название своей организации. Но их отличительный знак – шрам-клеймо в виде мишени около виска – знали все. И эта метка наводила ужас совсем не на мертвяков.

Поговаривают, что их организация всё больше приобретает политической силы и влияния.

Когда я зажгла на кухне свет, то к окошку подошёл и постучался в стекло Михаил. Он с напарником дежурил под окнами в «калине».

Я открыла окно.

– Ну, как там у вас дела?

Это был вопрос не сочувствия, а профессиональный интерес.

– Скоро уже, – я с трудом сглотнула очередной спазм.

– Ну, вы если что знак подайте. Там, типа, хоть окно разбейте.

– Хорошо.

Слово «хорошо», с некоторых пор, в нашей семье потеряло теплоту.

Мотнув головой, Михаил потопал назад в машину. В «калине» играла музыка Трофимова, который пел что-то про «коньячок под шашлычок».

Я поспешила захлопнуть окно.

Мерзко.

Каждому приходится сталкиваться с этим.

Твоё самое большое горе – это только твоё горе.

Надо собраться.

Достала из холодильника бутылку водки. Непочатая, с дозатором. Я ни как не могла открыть её. Пальцы скользили по рифлёной поверхности – не хватало сил открутить пробку.

Зашел Гриша и подхватил у меня бутылку. Быстро свернул пробку, дозатор вышел наружу.

– Лариса, я там уже всё убрал и снял с твоей мамы ночнушку.

– Спасибо, Гриш.

– Лариса, давай пока ты будешь её мыть, я приготовлю её платье.

– Мамин костюм в кресле у телевизора. Я говорила тебе. Уже всё готово. Спасибо. Я сейчас.

– Хорошо.

Он обнял меня, поцеловал в щеку и вернулся в спальню.

Я в чашке смешала пополам воду с водкой, достала из аптечки пачку стерильного бинта и пошла за ним.

Обнажённая мама лежала на кровати.

Я сложила из куска бинта подобие салфетки и, смачивая его в приготовленном растворе, принялась протирать маму. Каждый уголок её тела. Её дыхание и хрипы заметно затухали.

Хлопнула дверь и я услышала голос Максима. Посмотрела на часы – десятый час – сын пришёл ночевать. Гриша объяснил ему, что, наверное, сегодня все лягут спать позже и провёл Максима на кухню.

Одинокая слеза пробежала у меня по щеке.

Мама очень похудела. И за три месяца часть мышц заметно, особенно слева, атрофировались.

Медики знали, что моя мама обречена. Григорий, как «воин жизни», смог добиться дать мне возможность ухаживать за ней.

За последний месяц я окончательно свыклась с потерей и уже не раз попрощалась с мамой.

Ком в горле. Слезы сами текут, я их не вытираю.

Мне будет её очень не хватать. Я готова ухаживать за ней всё время, лишь бы она оставалась в моей жизни.

И вот, когда я протирал слежавшееся места в области бёдер, я почувствовала мамино прикосновение. Словно она поглаживала моё предплечье. Я приподняла глаза и увидела, как мама поднимает своё тело и садится.

– Гриша!!! Гриша!!!

На кухне задребезжала разбившаяся посуда и в спальню вбегает муж.

Подскакивает к кровати и бьёт мою маму в лицо.

– Гриша!!!

Я чувствую сильный захват матери у себя на запястье.

Григорий хватает мою руку и освобождает её. Не останавливается перед тем, чтобы сломать державшие меня пальцы.

– Гадство! Чёрт!

Мама укусила мужа за плечо, край футболки окрасился кровью.

Оттолкнув меня, Гриша бьёт мою маму ногой. Обнажённое мёртвое тело падает на кровать, на живот, концентрируясь для новой атаки. Муж хватается с пола прислонённый к стене нож гильотины и, запрыгнув на постель, наносит удар по шее.

Голова с глухим стуком падает на пол.

– Что там у вас? – в окне торчит физиономия Михаила, пытаюсь сквозь занавески на окне рассмотреть происходящее в комнате.

Гриша смотрит на Мишу, на меня, на обезглавленное тело моей мамы. Сжимает окровавленное плечо.

Страх понимания. Ужас обреченности.

Дикий рёв раздаётся из груди мужа. Он бежит в комнату, хватается кобуру, достаёт пистолет.

Из кухни осторожно выглядывает Максим.

Приставив травматiku к голове, совсем рядом с центром шрама в виде мишени, нажимает курок.

Каждому приходится сталкиваться с этим. Терять близких людей.

0.03 Александр Бамбуков

банально навести порядок

– Всё. Не забудь вытяжку выключить.

Я стряхнул сырые опилки с лопаты в мусорный ящик. Константин Григорьевич просил влажные и сухие опилки-срезки выбрасывать в разные контейнеры, так как он приторговывает дровами. Сейчас очень популярны стали кремации. И не газом в печи, а на костре, на свежем воздухе. Как в кино: плачешь и прощаешься с покойным всё время, что горит пламя. Плюс стопроцентная уверенность, что сгоревший мертвяк не восстанет. Мне на Григорьевича как-то начхать – он со мной не делится. От меня требуется лишь банально навести порядок, а все просьбы – это блаж.

Щелкнул по тумблеру отключения вентиляции. Практически сразу, поскрипывая ремнями, на улице затих мотор. Так же я отключил в столярке свет и направился в курилку, где уже собрались мои коллеги играть в карты до конца рабочего дня.

Ничего не поделаешь – завод – раньше 15–50 пропуск не отдадут и с территории не выпустят. Даже если у тебя вся работа выполнена. Конечно, мастер мог бы озадачить рабочих уборкой всей близлежащей территории, но Иваныч вроде мужик нормальный.

Как-то печально топтать по длинному коридору столярного цеха мимо давно уже не используемых фрезерных станков. Вот печальный результат работы за сегодняшний день – десяток деревянных ящичков двух видов по госту. Приплыли! Станочники пятого-шестого разряда колотят ящички.

Достал сигарету с зажигалкой и закурил. Работаем на сделке, но на ящиках ни хрена не заработаешь. А ведь когда-то фуры в очередь стояли на погрузку мебели нашего производства. К черту – последнюю неделю дорабатываю, а там пойду в охрану на завод радиоизмерительных приборов. Зарплата, конечно, немного поменьше, зато целый день сидишь на жопе, а не спину горбатишь.

– Ты там не офуел посреди столярки курить!!! – заорал Иваныч из курилки. – Сейчас начальник пойдёт мимо и застучает. Затем меня на ковёр жопой вперёд пригласит. Давай бегом сюда, уже раздали и тебя ждём.

Я зашёл в курилку.

В небольшой каморке, сидя за длинным столом, наш мастер препирался с бригадиром Серёгой.

– Чего ты тут карты схватил? Я с Сашкой Бамбуковым в паре играю. Двигайся от сюда! Ступай спать, а то снова на проходной арестуют. Вон, к Евгению под бочёк. Женёк вряд ли в своих клубах такое счастье встретит.

Евгений пытался помлеть у тёплого радиатора батареи. Открыл глаза, когда речь зашла о нём.

– Оставьте своего Дулина там, где сидит. И так достал уже сегодня. Шарахается без толку. Срезки не мог помочь вынести.

Произнесённая всуе «Дулин» автоматически вызвала приток смеха у всей бригады.

– Так, Евгений, – Иваныч всегда любил поязвить. – Не барское это дело срезки выносить. Что-то вы совсем своего пахана не уважаете. А мне с ним ещё вам КТУ (коэффициент трудового участия) расставлять. И так получать не фуй, а он вас вообще по миру пустит.

– Мы его тогда здесь по кругу пустим. – Очередное приступ веселья запустил Геннадий, доставая из кармана очки.

– Серёга, ложи карты! Саня, иди, садись играть. Вон Гена уже свои чудо очки одевает.

Серёга положил карты и с кислой пьяной физиономией освободил мне место. Сам потянулся к своему пакету, висящему у входа на крючке.

Играем в буркозла. Надоело уже. Но всё лучше карты покидать – время скоротать, чем у батареи кимарить. Я играл в паре с Иванычем против Геннадия с Алексеем.

Серёга достал початую чекушку и кусок хлеба от обеда.

– У, мля. Я думал, что ты уже всё выжрал. Или ещё ходил? К этому, Смирнову из слесарки?

Не обращая на слова мастера внимание, Сергей вылил остатки самогона из бутылки в кружку. Выпил. Закусывая, принялся тупо пялиться через плечо в карты Геннадия.

– Надо будет запалить вашего Смирнова, – не унимался Иваныч.

– Да ему по фигу. Охранники сами к нему за бутылкой ходят.

– Так, я не охране. Этим спалю, чернорубашечникам. Воинам жизни. Скажу, типа, мрут с его самогона. Эти черти в момент ему башку снесут.

– А что, они уже и завод патрулируют? – Геннадий потянулся за очередной сигаретой. За день меньше скуриваешь, чем за этот час до конца смены.

– Конечно. Они кругом шныряют. Смертность она повсюду происходит. Там травматизм или несчастный случай. Сразу набегут.

– Блин, не лэзу. – Мне пришлось скинуть козырную десятку и восьмерку. – А вот если сейчас кто во фрезу, или под пилу, попадёт – пальцы потеряет – так его сразу убьют что ли?

– Сплюнь! – Иваныч трижды постучал по столешнице.

– Да не-е-е. Они всю столярку сожгут, – попытался пошутить Алексей.

– Вместе со всеми кто там находится, – подхватил я. – Очень даже легко может быть. Парни там собираются отморозки суровые. Жечь клеймо у виска в виде мишени – авторитетный, по-моему, жест.

– Да заемали уже все, – Серёга закурил, по его покрасневшейся роже было заметно, как его развозит. – Ходят-шныряют-ищут. Скоро в каждом сортире какой-нибудь мент сидеть будет. Работы нет, денег не платят, зато лезут во все щели. Достали!

Иваныч с мрачной физиономией зашел с двух крестей. Блин, если заметят этого пьяного кретина, то, как минимум, выговор на тысячу рублей прилетит. Хоть сам веди и сдавай его охранникам. Только уволят его, идиота.

– Серёжа, а ты ступай в девятый цех работать. Полгода учёбы на ЧПУ и бабосики попрут. Там они сейчас новый заказ получили – работают в три смены. БТР с буром фуячут. Шлёпают как горячие пирожки на всю страну.

– Это что за ерунда? Бур то зачем? – удивился я.

Зато Геннадий в курсе всех событий:

– На мертвяков. Раньше на кладбищах караулили: когда кто вылезет. А теперь ездят на БТР. Там у них эхолокатор. Ну и буром фуярят в землю, если где-то шевелятся останки.

– Жесть какая! – Искренне удивился Алексей. – Но, наверное, БТР не БТР, а на наших кладбищах хрен поездишь. У всех заборы да могила как минимум бетонные. Не развернешься.

– Слава богу, что ты давно на кладбище не был. – Иваныч раздавал карты. – Там уже давно всё выломали и вывезли. Для лучшего обзора. Всё как у америкосов – чистое поле. Вот у нас сейчас так же. Я ездил и родителям металлическую табличку воткнул. Там рядом берёзка приметная растёт. Я их десять лет назад схоронил – не вылезут.

В курилке повисла пауза.

Я посмотрел карты и полез за очередной сигаретой. Сергей тут же стрельнул у меня себе:

– Сейчас уже мало кто на кладбище ходит. Придешь, а там вся земля взъерошена. Знают, восстали твои. Чернорубашечники им голову разбивают и на крышках сжигают. Как такового кладбища уже нет.

– Поэтому и процветает кремация. Константин Григорьевич, говорят, по три тысячи в неделю за срезки имеет.

– Это всё просто из-за излишек денег. На мертвых бабло выбрасывают. Живым жить не на что! Дёшево и сердито – голову отрубят и положат аккуратненько. Либо, как у моих соседей в прошлом месяце – в затылке делают отверстие и все мозги вытряхивают. Всё. Банально наводят порядок и закапывают.

– Уж лучше тогда кремировать.

– Лучше вообще не умирать.

– Ну, ладно. – Иваныч бросил карты. Мы с ним проиграли. Он достал мобильник и посмотрел на часы. – Пойдёмте переодеваться. Серёга, смотри, не дай бог запалишься...

– Всё нормально будет.

– И тебе и твоему Смирнову пиндец. Всё до завтра. Не опаздывать. – Иваныч вышел из курилки.

Что-то какая-то апатия. Я встал, стал со всеми собираться.

0.04 Максим Орлов

надо что-то менять

Я нажал на красную трубочку и сбросил звонок. Но телефон в карман не убрал, так как знал, что она сейчас обязательно перезвонит.

«А лица плывут, имена мелькают, но ты самый лучший – я это знаю; верю тебе, я верю тебе».

Ксюха сама установила эту мелодию на свои звонки. Я сделал глоток крепкого «ярпива» из полторашки.

– Я верю тебе! Верю тебе! – заорал рядом Роман, вскидывая вверх руки со своей бутылкой.

Я принял звонок и поднёс трубку к уху.

– Да, дорогая.

– Почему ты выключаешь телефон?

– Потому что ты истеришь. У меня нет желания выслушивать всю твою ругань.

На том конце повисла пауза. Было отчетливо слышно, как она шмыгает носом – плачет дура.

– Мы с тобой 14 февраля пойдём в клуб? – наконец раздался вопрос.

– Ксюха, ты простая такая. У меня работы нет, а мне ещё за машину кредит платить. И зная моё финансовое положение, ты предлагаешь прокутить, как минимум, полштуки.

– ВЕРЮ ТЕБЕ! Я ВЕРЮ ТЕБЕ!

Я отошел подальше от орущего и упавшего в сугроб Романа.

– У меня есть деньги.

– Просто замечательно. А мне масло в машине менять надо. И я всю зиму на лысой резине езжу.

– У тебя же отобрали права...

Меня убивает её наивность. Я сделал ещё пару глотков.

Права на вождение меня лишили ещё в сентябре. Влетел по пьяни. И выходит так, что когда её надо встретить вечером с завода и я подъезжаю на автомашине – это всё нормально. А когда необходимы вложения в «десяточку» – то, оказывается, тебе не зачем ездить и у тебя отобрали права!

– Ты ходил на биржу? – на том конце Ксения задала очередной вопрос.

– Нет.

– Максим, я слышала, что воины жизни платят деньги за пикетирование у дома мэра. Сто рублей в час. Быть может, сходишь?

– Хорошо. Схожу. Ксюх, извини, но у меня уже рука замёрзла разговаривать с тобой. Дома поговорим.

Я сбросил вызов и спрятал ладонь с телефоном в карман.

Роман уже залез в мою машину. Завёл мотор.

Как же всё достало. Надо что-то менять.

Буду ли я с Ксюхой всю свою жизнь? Однозначно «нет».

Почему мы с ней живём до сих пор? Привычка. Доступность секса. Отсутствие альтернативы.

Я подошёл к снежной насыпи у края дороги и воткнул бутылку пивасика в сугроб. Встал на колени и окунулся лицом в рыхлый снег. Замер. Терпеливо ждал пока морозная корочка не покроет всю мою морду.

Затем я встал, не вытирая снег, наполнил рот холодным пивом. Пошел к своей машине.

– Ты тут не припух на водительском сидении?

– Макс, не займывай. Тока вроде пригрелся.

– А кто тебе разрешал в моей планшетке шариться?

– Я знаю, это ты всех мертвецов достал, что они из могил повылазили. – Роман, чертыхаясь, полез на пассажирское кресло. Вместе со своей бутылкой и моей «галакси».

Я уселся. Привычно пододвинул кресло ближе – Роман выше меня и постоянно отгонял его вглубь салона.

– Что ты там нашёл?

– Видюху смотрю.

– Щёлкни в папке «мертвецы». Сегодня скинул «зомби против зомби-ящика».

Я достал пачку сигарет. Осталось лишь три штучки. Закурил.

Роман пальцем активировал файл.

На экране планшетки восставший мертвец стоял перед выключенным стареньким, наверняка чёрно-белым, «горизонтом». Мужуку, перед тем как сдохнуть, было не более пятидесяти лет. Как и на многих мертвяках, на нём был драный костюм с галстуком. Не обязательно интеллигент, просто в гроб положили в хорошем.

Вот телек включился, и замелькали узнаваемые герои «прожекторперисхилтон». Мертвец тут же набросился на изображение людей и ударил кинескоп головой. Откуда у них столько силы? Вакуумная стеклянная трубка лопнула, осыпав живого покойника стеклом.

– Ха-ха! – заржал Роман. – Стоит, емлом щёлкает! Обломался с питанием!

Видеоролик закончился.

Роман хлебнул из бутылки и протянул руку к моей сигарете.

– Блин, Ромыч, я думал, у тебя есть. У меня только две штучки осталось. – Я протянул на половину выкуренную сигарету.

– Говорят, что за пикетирование дома мэра воины жизни платят деньги. Сто рублей в час. – Я убавил мощность печки. Бензина и так меньше половины бака, а на заправку денег нет.

– Пойдём поддерживать америкосов?

– В смысле?

– Поговаривают. Воины жизни сейчас по всей стране в городах власть захватывают. Откуда у них деньги? От америкосов.

– Вообще-то я слышал, что Соединённые Штаты и весь североамериканский материк до Мексиканского залива сейчас превратили в пустыню. В борьбе с зомби выжгли напалмом всю землю до глины.

– Пиндёшь. Плюс ко всему у них военные базы по всему миру. Они ещё восстановятся, как тараканы, суки. – Роман выбросил бычок в щёлку окна и быстро поднял стекло назад.

– Да это развод. Знаешь, почему его усадьбу пикетируют?

– Ну, почему? – вздохнул он, шарясь в планшетке где-то в сети.

– Да у мэра отец болен. Умирает или даже умер. А он не хочет его воинам жизни отдать. Ни на гильотину, ни на кремацию. Сам, сука, разрешил всё городское кладбище перекопать, а здесь зашипился. Ментов подтянул свой дом охранять.

– Может быть. Я тоже что-то такое слышал.

– Блин, у меня денег вообще нет! Выключай планшетку, либо за интернет плати!

– Хорошо, чё кричишь, – Роман убрал мой «галакси» в фирменный чехол. – Давай, Максимка, поехали на заработки.

Я выжал сцепление, воткнул передачу, не спеша покатыл загород.

Гаишников в городе уже неделю нет. Всех ментов реально подтянули на охрану мэра. Поговаривают, что даже военные из местной части тоже там.

На магнитоле включили Нагано.

Дом мэра располагался в старой части города, где господствовали одноэтажные избы с хорошими земельными участками. Рост города с девятиэтажками и заводами пошёл прочь от реки. У побережья осталась лишь обанкротившаяся и ныне пустующая ткацкая фабрика. Сейчас этот район стал местом элитных застроек. Коттеджи и мини дворцы местечковых олигархов.

Ещё до управления городом, Крупов с сотоварищами и партнёрами выстроили два двухэтажных многоквартирных дома у стен Спасо-Преображенский монастыря. Запаслись гаражным комплексом, облагоустроились замечательной детской площадкой, пробурили собственную скважину и построили котельную. Спрятались за высоким каменным забором и штатом охраны. Не хило для будущего мэра небольшого городка. А ведь он только на пять лет старше меня. Сучья жизнь... Надо что-то менять.

Я припарковался у бордюра последним в ряду из более десятка автомашин различных марок и моделей. Все они были однотипно украшены чёрным знаком мишени на водительской дверце.

Роман ещё в дороге допил своё пиво и выбросил бутылку в окно. Сейчас его рука тянулась к моей полторашке. Я приложился к горлышку, жадно глотая пиво, словно меня мучила жажда. Небольшой остаток отдал. Закурил.

Мы сидели молча. Разглядывали сквозь лобовуху ситуацию на улице.

У железных ворот тусили две группы: Десяток парней жгли автомобильные покрышки, Чуть поодаль более многочисленная и пёстрая в одежде, вроде даже женщины есть. Значит парни – это воины жизни, вторые – наёмные пикетчики. Один из пожилых протестантов размахивал плакатом «Крупов выходи!!!». Идиотизм какой-то...

– Ты ничего не забыл?

Я протянул Роману половину сигареты.

Мы вышли из машины, пошли к костру.

Воины жизни равнодушно осмотрели нас и не прервали разговор между собой. Какие-то анекдоты травили. Парни стояли без головных уборов и в глаза бросались их отличительные знаки – мишени. В виде шрама у виска, либо татуировка с краю на лобовой кости.

– Мужики, что тут, как тут с пикетированием? – спросил Роман.

Парень, сидевший на корточках у огня к нам спиной, махнул рукой вдоль забора:

– Идите, увидите две палатки: кухня и штаб. Там вас запишу, проставят время. Там и расплатятся.

Вся интересующая информация. Коротко и ясно.

До ярко-оранжевых палаток в пятидесяти метрах от ворот мини-городка мы с Романом добирались вприпрыжку. На боковине одного из шатров маркером было выведено «кухня». Пред тем как зайти во второй шатёр, мы, не сговариваясь, двинулись к кустам – обосаться.

Внутри палатки штаба достаточно просторно. Два школьных стола, сейф. Четыре мужика в чёрной униформе с мишенями на лице сидели на пластиковых стульях и смотрели по ноут-буку что-то типа «трансформеров». Одного из них я сразу узнал – Николай Павлович Дроздин – мы вместе работали, он был моим начальником, в охране на заводе ЖБИ.

– О, Максимка к нам подтянулся, – меня тоже узнали. Водочки вместе выпили вдоволь. – Проходи, проходи, не стесняйся.

– Здравствуйте, – практически хором выдохнули мы с Романом.

– Привет-привет, – Николай Павлович пожал нам руки и повёл к свободному столу. – Такие люди нам нужны. Как сам то?

– Да как то так.

– Где сейчас работаешь?

– Вот только уволились. В «информтеке» кабель для интернета протягивали.

– Вместе работали, вместе уволились. Понятно. Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой санитары. Теперь на службу к воинам жизни?

– Пока нет. – Роман поймал на себе внимательный взгляд Дроздина. – Уж больно у вас декорации серьёзные. Мы пока только на пикетах подзаработать хотим.

– Декорации говоришь, – Николай Павлович правой рукой прикоснулся к своему виску и почесал шрам-клеймо в виде мишени. – Ты только, – он перешёл на шёпот, – поаккуратнее в описаниях. Здесь парни встречаются **серьёзные**. Могут и обидеться.

Зашли ещё несколько воинов жизни, от которых воняло костром и жжёной резиной. В палатке сразу стало тесно.

– Ребята, трое зашли и сразу трое вышли. – Отдал распоряжение Николай Павлович. – Давайте без этих встреч-расставаний по полчаса. Есть о чём поговорить – общайтесь в патруле.

Парни притихли, но из палатки ни кто не вышел.

– Так. Максим и ...?

– Роман.

– Максим и Роман. Прежде всего, что вам известно об обстановке? Для чего мы здесь собрались и пикетируем резиденцию мэра города и его окружения? Вот спросят вас журналисты: «зачем вы здесь?», а вы что ответите?

– Журналисты это типа МКТРК «Эфир» и «Новая Провинция»?

– Да, хотя бы они.

– Ну, у мэра отец умирает, а он не хочет его отдавать. – Я почувствовал, как у меня начинает болеть башка. Чёрт! Резиной воняет, чернорубашечники трещат, этот херню спрашивает. Курить охота.

– Что значит «не хочет отдавать»? Мы что волки? Мы тут падаль ждём? Это, во-первых. Во-вторых, батя у него уже неделю назад помер и его кремировали. Всё гладко прошло. А в-третьих, мы здесь потому, что у нашего мэра Крупова болен сын. Точнее, присмерти.

– Инфекция?

– Вполне вероятно. Что-нибудь от дедушки схватил. И теперь он ставит под угрозу заражения всех нас. Вместо того, что бы убить сына и остановить болезнь – он заперся в своей резиденции, где проживает не менее полусотни человек. Мало того, он привлёк полицию и церковников.

– Церковников? Попов что ли?

– Монахов из монастыря. Крупов не разрешил нам навести порядок в некрополи, вот они его и поддерживают. Сейчас там, на территории, заперлись уже более сотни человек. Вот если ребёнок умрёт и начнёт заражать по цепочке всех, то представляешь, какой наваристый бульон выйдет в этом котле за высоким забором?

– Значит, он должен отдать ребёнка вам, чтобы вы его убили? – Роман как всегда прямолинеен.

– Да.

Ни какой паузы, ни секундной задержки на раздумье. Сразу видно, что человек уже неоднократно отвечал на данный вопрос.

– Да, ребята. Если хотите выжить и жить, то необходимо научиться менять своё отношение к глупым этническим предрассудкам. Надо уметь чертить границу между любимым чадом и мертвецом. Иметь мужество перешагнуть эту грань. Просто надо всё менять.

Не скажу, что услышанное меня шокировало, но нехороший осадок появился. Наверное, поэтому я не иду на службу в воины жизни.

– Николай Палыч, а у вас сигарет не будет? – не выдержал я. – А то нам с Русланом курить нечего.

Посмотрев на нас, Николай Павлович похлопал по карманам и бросил на стол целую пачку синенького «бонда».

– Патруль! Новая смена, не сидим! Марш на территорию!

Трое парней со смехуёчками вышли. Прибывшие уселись перед ноутбуком и включили то ли кино, то ли ролики с «ютюба».

– Я записываю вас с 22–00. На кухне вас покормят через три часа. Озябните – подходите, вам всегда нальют горячий кофе. Соберётесь уходить – зайдёте и получите деньги. Вопросы есть? – На лице воина жизни появилась усталая дежурная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.